

мастера современной прозы

ХАНС КРИСТИАН БРАННЕР

Ханс Кристиан Браннер

Скоро нас не будет

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156084

Ханс Кристиан Браннер «Никто не знает ночи. Рассказы», серия
«Мастера современной прозы»: Радуга; Москва; 1991

Аннотация

Рассказы Ханса Кристиана Браннера, посвященные взаимоотношениям между мужчиной и женщиной и между взрослыми и детьми, создали писателю заслуженную славу мастера психологической новеллы.

Ханс Кристиан Браннер

Скоро нас не будет

По дорожкам между виллами в ноябрьскую непогоду бродил человек. Он бродил долго и не заметил, как подкрались сумерки, ему казалось, будто на него рассердилась буря. Деревья поднимались к небу, словно клубы дыма, они раскачивались и хлестали его, когда он проходил мимо, большая черная ветка спланировала вниз и, ударясь о плиты, разлетелась на три части как раз перед ним. Руки человек спрятал в карманы своего непромокаемого плаща, пальцы нащупали там клочок бумаги и скатали его в шарик, они рылись в кармане, будто червяки, а буря тем временем проносилась у него над головой.

Немного погодя человек остановился и глянул поверх живой изгороди. За изгородью так же метались кроны деревьев, похожие на клубы дыма, но на земле под деревьями здесь лежало множество всевозможных камней: пузатые серые камни в железной ограде, белые, отмытые дождем мраморные плиты и черные, полированные, гранитные, с золотыми буквами. На многих сидели белые голубки, одни склонив голову набок, другие – опустив, некоторые с распростертыми крыльями, точно буря загнала в сумерках стаю белых голу-

бей под беспокойные деревья. Была здесь и красная кирпичная часовня, а в часовню вели окованные железом двери.

Человек долго стоял и глядел на эти двери, он вспоминал, что однажды видел, как они распахнулись и восемь мужчин медленно вынесли под ноябрьское небо гроб. Они все шли отклоняясь от гроба, и каждый держал в свободной руке свою шляпу, а за плечами у них горело множество свеч и слышны были последние звуки из «Вы будете землей вожделенною». Тогда тоже водрузили камень, а на камень – белого голубя, казалось, будто детская ручонка осторожно усадила голубя и огладила его по крыльям и по спинке. И еще казалось, будто детская рука забрала камень железной оградой и ласково заровняла землю вокруг лопаткой, а на камне выбила надпись: «Консул Т. Шредер, 1862-1934. Память о тебе храним с любовью». Рука дитяти, которое еще ничего не знает о смерти, и ничего о покойном, да и о себе самом тоже ничего.

А покуда здесь стоит камень с золотой надписью, консул Т. Шредер витает далеко от тех, кто пребывает в любви и в ненависти. Как раз на днях сын его оставил свою жену, об этом теперь говорит весь город, возможно, она сидит теперь в темноте и думает об этом. В доме у нее нет света, но где-то осталось незакрытым окно, а она сидит за окном, она не замечает, как надвигается холод и мрак, не слышит даже, как хлопает на ветру окно. Она забыла его закрыть, она просто сидит. Вбегает светловолосый мальчик и кладет голову ей на колени, так и кажется, будто это прикатилось золотое,

наливное яблочко, но она отталкивает мальчика и сурово ему отвечает. И тогда у него тоже делается суровое лицо, и он садится поодаль, в темноте. Может быть, через тридцать лет настанет день, когда он покинет свою жену и своего ребенка, считая, будто с ним тогда-то или тогда-то обошлись несправедливо. Но консулу Т. Шредеру доводилось много раз улыбаться, возможно, и внук его предпочтет улыбнуться в эту минуту и тем докажет истинность надписи на камне. То ли день, то ли два надпись будет истиной. Хотя возникла она просто оттого, что кто-то вполне посторонний полистал сборник надгробных текстов и по чистой случайности предложил именно такой.

Не зная всего этого, человек вошел за изгородь и остановился перед могильным камнем консула Т. Шредера, он снял шляпу, и буря подхватила его волосы. Волосы у человека были длинные, неухоженные, лицо в сумерках казалось белым, впалыми – щеки и обвисшими – уголки рта, он стоял, забывшись, погруженный в свои мысли. Зайдя в мыслях так далеко, что дальше пути не было, он с улыбкой отряхнул их и вдруг услышал, как буря идет верхами в кронах деревьев, гулко и глухо гудит в низких, колючих кустах вокруг многочисленных камней. Еще одна ветка упала откуда-то сверху и с треском сломалась о плиты дорожки, а куски разлетелись далеко по сторонам. Человек провожал их глазами, покуда они разлетались, и вдруг его властно потянуло домой. Но если я сейчас вернусь домой, подумал он, мне нечего будет ска-

зять, и я не смогу сидеть на стуле, не смогу читать газету, ибо все там написанное покажется мне лишенным смысла. Вот почему мне надо идти все дальше, и дальше, и дальше.

Человек уже изрядно устал, у него начали подгибаться колени, изгороди качались вверх и вниз, дома качались вверх и вниз, там и сям зажигались огни и качались вверх и вниз, взад и вперед между изгородями и домами. Вот я направляю свою ладью взад и вперед, в море и к берегу, подумал он, а кругом лежат дома, словно корабли, которые бросили якорь из-за бури. Утром они поднимут паруса и поплывут дальше, но ночью они для безопасности стали на якорь, и люди обходят их и проверяют, выдержат ли канаты и все ли обстоит так, как должно быть. Один из домов-кораблей называется «Вилла Эмма». У него красивая оснастка с маленькой башенкой, он украшен деревянной резьбой, и даже название «Вилла Эмма» до сих пор ясно выписано готическими буквами, хотя солнце и дождь немало потрудились над ним. Можно представить себе, что название написали однажды утром, когда у Эммы был день рождения, муж пришел к ней и с таинственным видом повел ее в сад, чтобы она сама увидела. Они постояли на лужайке, обнявшись, и вместе глядели на дом и на надпись, они были женаты семь лет, а теперь вот сподобились занять собственный дом. Немного спустя они отпраздновали на «Вилле Эмма» медную свадьбу; множество людей сидело молча и напряженно вокруг большого стола, а немного погода все разом заговорили, пе-

ребивая друг друга. Один мужчина басом выкрикнул что-то, заглушая остальные голоса, в ответ раздался истошный женский визг. После стола все мужчины собрались в кучку и смеялись над чем-то, что рассказывал им муж Эммы, но на сей раз они смеялись приглушенно и озирались по сторонам. Только одного из гостей-мужчин не было рядом, он стоял в передней вместе с Эммой. «Не понимаю, о чем ты, – сказала она. – У меня самый лучший муж на свете». «Бесспорно, лучший на свете, – ответил тот. – И все же». – «Что все же?» – «Ничего, я просто сказал: „все же“...» Какое-то время они с улыбкой глядели друг на друга, потом она покачала головой. «Пойдем, – сказала она, – присоединимся к остальным». Немного спустя торжество кончилось, но в одном из окон «Виллы Эмма» всю ночь горел свет.

С тех пор уже миновало много лет, и вот в ноябрьскую бурю человек в непромокаемом плаще проходит случайно мимо «Виллы Эмма». Она так нарядно выглядит со своей трогательной башенкой, в палисаднике сметена и закопана во круг розовых кустов опавшая листва. В гостиной горит свет, но занавеси не задернуты, и можно заглянуть внутрь. Эммин муж там один, он даже не заметил, что за окном стемнело, поэтому его можно разглядывать в упор. Он сидит в углу, перед глазами держит газету, пиджака на нем нет, из-под нижнего края газеты выглядывает живот, потому что он расстегнул жилетку. Он сидит в некрасивой позе, широко раздвинув колени. На стене за его спиной висят картины, на них

изображены деревья, и животные, и река, все очень тщательно выписано, совсем как в жизни, но, если спросить его, что нарисовано на картинах, он навряд ли вспомнит. Через десять минут он не сможет вспомнить, что читал в газете. А завтра он уходит в море.

Человек в дождевике даже и не подумал о том, что его занесло в чужой сад, но вдруг он услышал собачий лай и поторопился выйти из сада на дорожку. С дорожки он увидел, как в освещенную комнату проворно вошла Эмма. Платье на ней висело мешком, она была маленькая и сухощавая. Лицо у нее тоже было маленькое и сухощавое, и на лице – круглые, выпученные глаза. Она приблизила глаза вплотную к окну, так рыба в аквариуме подплывает вплотную к стеклу и ударяется об него, потому что ничего за ним не различает. Последнее, что увидел человек, была рука Эммы, задерживающая гардины. Она сделала это в уверенной и резкой манере, словно знала, что за стеклом ничего нет. Но ведь за оградой вполне может оказаться чужой человек, и по манере, с какой Эмма задернула гардины и с какой сидит на стуле муж Эммы, человек за оградой может догадаться об очень многом, чего они даже сами не знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.